

Денис Ганиман

ГОЛОС УРУЧИ

Денис Ганиман

Голос Уручи. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30082449

ISBN 9785449050472

Аннотация

В далёком будущем Земли Уэн, житель Второго мира, однажды открывает в себе талант слышать и чувствовать больше, чем обычные люди. Судьба преподносит герою шанс попасть в Логос – академию, где обучаются такие же одарённые, как и он сам. Юноша обретает друзей и встречает могущественного врага, в противостоянии с которым Уэн узнаёт цену своим способностям. Ему предстоит сделать сложный выбор, последствия которого непредсказуемы и необратимы...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Голос Уручи

Повесть

Денис Ганиман

Редактор Мария Александровна Ларкина

Иллюстратор Анастасия Александровна Нестратова

© Денис Ганиман, 2018

© Анастасия Александровна Нестратова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5047-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему дорогому отцу

Вадиму Олеговичу Ганиману

в знак сыновней любви.

P.S.

От огонька костру!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*...Ему даже показалось
что и сам он — всего лишь слово,
которое обронил солнечный свет.*

*Урсула К. Ле Гуин.
Волишебник Земноморья*

Когда-то я мог читать души людей так же легко, как ты сейчас бежишь глазами по этим строкам. Моя история началась в мире, полном сказок и мифов, а затем судьба отворила дверь в земли разума и технологий, но обо всём по порядку. Думаю, начать лучше с того, что непросто быть изгоем родного племени, ещё сложнее иметь особенный дар, непредсказуемый и опасный даже для своего хозяина...

Меня зовут Уэн. Родился я в одном из островных поселений к северо-востоку от Антарктиды. По сути, наш остров является спящим вулканом, извергавшим пламя лишь в пору своей далёкой юности. Многие жители Второго мира¹ считают этот одинокий кусочек суши, окружённый водами океана, настоящим раем. Гора, возвышающаяся в центре острова, притягивает дождевые облака, а почва, сотни лет назад

¹ Второй мир – социальный класс людей, отказавшихся от основных благ технологического прогресса

удобрённая пеплом, годится для земледелия и скотоводства как нельзя лучше. У подножия вулкана всегда можно найти целебные родники и горячие источники. Помню, как я часами мог бродить в окрестных лесах, собирая дикие ягоды и орехи, чувствуя живое kloкочущее тепло под ногами. Поначалу мне, конечно, не позволяли уходить далеко от деревни, но с пяти лет я считался вполне самостоятельным ребёнком, очень смышлёным и проворным для своего возраста. И так как я постоянно норовил улизнуть из дома, а в случае, если мне отказывали, принимался шуметь, топать пухлыми ножками и гоняться за курами, однажды няньки прекратили попытки занять *этого несносного ребёнка* хоть чем-нибудь и дали свободу моему безудержному стремлению к познанию себя и природы.

Настоящих родителей я почти не помню. Их не стало, когда мне только-только исполнилось три года. К сожалению, такова участь многих семей, занимающихся ловлей рыбы в открытом океане. Мне говорили, что в тот день внезапно налетел шторм, неистовый и беспощадный, словно гнев самого Энэки. И, честно сказать, я очень долго злился на повелителя вод, не понимая, почему он отнял у меня родных. Детское сознание сумело сохранить лишь туманные воспоминания о любящих объятиях матери. Мне кажется, что её одежда пахла луговыми цветами, а голос был нежнее шелеста морских волн. Об отце помню ещё меньше. Наверное, он был высокий и очень сильный.

Старейшина моего поселения, которое на других островах с почтением зовут Нао², был добрым человеком, но строгим. Они с женой решили усыновить меня, потому как все их дети уже давно выросли и покинули деревню, да и сердца стариков не могли остаться безучастными к трагедии, произошедшей с их соплеменниками. Черноглазый и седовласый Сэдэ заботился обо мне, как умел. Большую часть времени он проводил в полях или на советах Нао, иногда отправлялся с визитом в ближайшие поселения, так что особого внимания или расположения от него получать не приходилось. Иногда я даже думал, что ему вообще нет до меня никакого дела, но устроить хорошую взбучку за мои шалости он каким-то непостижимым образом успевал. А вот Каори, о, моя добрая и внимательная Каори, проводила со мной всё свободное от домашних хлопот время. Она учила меня письму и чтению, одевала, кормила, давала советы и выслушивала мои бесчисленные выдуманные истории, которые, казалось, я брал откуда-то из воздуха. Её светлое лицо, усеянное паутинкой глубоких морщин, и тонкие руки, так искусно сплетавшие сети для рыбаков, я не смогу забыть. Каори источала удивительное спокойствие, а любовь виделась мне во всём, к чему бы она ни прикасалась. И жители Нао тоже относились к ней с глубоким почтением, особенно женщины, что обращались к мудрой Каори по душевным вопросам. Мы любили вместе гулять в долине ручьёв, пролегающей

² Нао (с единого языка «Эка») означает – честный, достойный, верный

у северной границы деревни. Когда выдавались особенно тёплые летние дни, а вечера тянулись долго, не желая уступить ночи, Каори уводила меня к старой иве, у могучих корней которой били ключи ледяной, сладковатой воды. В один из таких дней мы как обычно добрались до раскидистого дерева, уже ставшего для нас священным, испили из ручья, утолив жажду, и уселись на тёплой сухой земле, опершись спинами о шершавый ствол, прогретый июльским солнцем. Обычно молчаливая Каори ласково обняла меня и, заглянув необычайно ясными глазами в мои, вдруг спросила:

– Мальчик мой, хочешь, я расскажу тебе одну старинную сказку о временах, которые не помнят даже мудрые люди из города Ао³?

Голос её звучал взволнованно, и потому немного дрожал, словно ивовые листья на ветру. Я радостно кивнул, подтянул ноги, обхватив колени руками, и уставился в алое зарево горизонта. Прежде переливистые трели птиц вдруг стихли, а Каори неспешно и как-то нараспев начала свой рассказ:

– Так давно, что не упомнят вороны, не споют киты, и мореходы не прочтут по звёздам, великая Уручи⁴ была другой. Можешь верить, а можешь не верить, дорогой Уэн, но нигде на всём белом свете не нашёл бы ты земли, потому что всюду разливалась синева океана. Однажды в наш мир пришли боги, Мать и Отец, имена им Инанна и Энэки. С собой привели

³ Ао – столица Планетарной Федерации, основанная в Антарктиде

⁴ Уручи (с яз. «Эка») – Земля или планета

они души первых людей, племя свободное, доброе и очень счастливое. Звали их аанти – большие рыбы. Многие верят, что дельфины похожи на первых людей, тех, которые были ближе всего к повелителю вод.

Каори вдруг замолчала, загадочно улыбаясь. Она дала мне время всё хорошенько обдумать, послушать говорливое журчание ручейков, подышать прохладой вечернего тумана, а затем продолжила:

– Небесные светила сменяли друг друга в танце дня и ночи, шли годы, столетия, аанти могли не заметить и тысячу лет. Они жили долго, очень долго, пока их не покидала жажда странствий. Когда это случалось, плавники больших рыб зарастали полипами, водорослями, теряли прежнюю силу и гибкость. Тела их обычно грубели и становились невыносимо тяжёлыми. И если кто-то из аанти решал, что больше не хочет плыть, Инанна звала его на мелководье, где он мог обрести вечный сон, превратившись в коралловый риф.

Эту сказку я слышал впервые, и любопытство взяло верх. Мне жутко не хотелось прерывать Каори, но, преодолев смущение, я спросил:

– Мати⁵, почему тогда суши не было, а теперь есть? И как так получилось, что мы больше не дельфины?

Старушка весело рассмеялась, помолодев лет на десять, прижала меня к себе чуть сильнее и поцеловала в темечко.

– Ох, да, Уэн, светлая же у тебя голова, хотя кудрявая, да

⁵ Мати (с яз. «Эка») – мама

чернее смоли! Не торопи рассказчицу, я ведь уже не молода, за быстротой твоих мыслей мне не поспеть. Помнишь, что вечно повторяет Сэдэ? «Всему свой срок – запомни урок».

После этих слов я смутился ещё больше, а добрый и тихий смех Каори зажёл румянец на моих щеках. Но я понимал, что вопрос задал правильный.

– Среди аанти были те, кто желал большего, чем скитание в глубинных течениях или спокойных водах. Им было мало дома, который создал Энэки. Тогда некоторые аанти отраслили крылья. Выпрыгивая из океана, они могли долго парить над искрящейся в дневном свете водой, но затем снова падали вниз. И потому тоска поселилась в сердцах больших рыб. Заметив это, Инанна попросила своего мужа помочь ей изменить облик мира так, чтобы души первых людей были радостны и свободны от печали, как прежде. Энэки, обладая провидческим даром, предупредил жену, что сердца аанти прекрасны, но голодны, и пока этот голод спит, Уручи будет в безопасности. Он знал, что перемены, о которых просила Инанна, однажды сыграют свою роль в судьбе человеческого племени, наделив людей жаждой, какую ничто утолить будет не в силах.

Солнце уже давно утонуло в почерневших волнах, а небо зажглось искрами ярких звёзд. Мати достала из льняной сумки лёгкое вязаное одеяло, которым мы с радостью укрылись, озябшие и проголодавшиеся. Следом из той же сумки Каори взяла две пшеничные лепёшки, сваренное яйцо и ку-

сок сыра. Мы поужинали, не торопя ночь, наслаждаясь стрекотанием сверчков и серенадами лягушек, а затем сказка зазвучала вновь. Мне же совсем не хотелось спать. Казалось, что матери доверяет мне какой-то секрет, отворяя дверь в другой, позабытый всеми мир.

– Вместе Инанна и Энэки подняли из бескрайних вод великую сушу и острова. В любви сотворили они птиц и зверей, одели землю в леса, травы и цветы. Увенчали пики гор снежными шапками и пустили пресные источники венками рек по телу Уручи. Великая Мать призвала к себе крылатых аанти. Вдохнув в них старинное волшебство, Инанна подарила людям ноги и руки. И всё их существо изменила так, чтобы аанти счастливо жилось среди её детей. И тогда вознесли они Матери хвалебные песни – самые первые и самые чистые, и, обретя уста, нарекли себя анталанти⁶. В тот же миг разверзлась морская пучина, и, объятый пеной и солью, к людям вышел могучий Энэки. Громоподобный голос его с рёвом обрушился на анталанти, вселяя в них божественный трепет: «Внемлите слову моему, о, возжелавшие большего! Инанна дала вам новый дом, в котором вы гости супротив детей и творений её. Вкушайте же всякий плод и всякую пищу, рождённую сушей. Вкусив плоть зверей или птиц, предадите мою возлюбленную, и вернусь я во гневе, и утрадите вы благословение предков, и время вам станет судьёй».

Эту часть истории мне понимать было сложнее, но я пом-

⁶ Анталанти (с яз. «Эка») – большие бесхвостые рыбы

ню, как меня захватило чувство надвигающейся угрозы. Глаза мои отчего-то наполнились слезами, и я горько заплакал. Мне было жаль анталанти, так же, как родителей, которых забрал повелитель вод. Каори сразу поняла, в чём дело, и, замолчав, позволила мне выплакаться, а когда я успокоился, продолжила так, словно тянула печальную песню:

– В свете Инанны, под её покровительством и ведомый её наставлениями, род анталанти множился и процветал. Они возводили прекрасные города, разбивали цветущие сады, научились земледелию. Но однажды Энэки захотел испытать людей. Он убедил супругу позволить анталанти жить некоторое время без её советов, доверившись той мудрости, что они успели постичь. Поначалу племя бесхвостых рыб ничуть не беспокоилось о том, что Мать всего живого предпочла тишину и больше не отвечала их песням и молитвам. Шли годы, многие традиции забылись, святилища опустели, и по всей земле лишь изредка слышались отголоски первых песен. Затем Энэки послал холодные ветры в земли анталанти, и потому целых пять лет зимы были суровыми, а урожаи скудными. Люди молили богиню о помощи, но ответа не получали. И тогда, мучимые голодом, анталанти подняли луки и стали охотниками, и тут и там зазвенела мелодия тетивы.

Меня всего трясло от страха перед грядущим гневом Энэки, но, вжавшись в объятия Каори, я обрёл силы, чтобы дослушать рассказ.

– Уручи страдала. Некогда прозрачные воды её рек и озёр

обагрила кровь. Вслед за луками анталанти подняли копья, мечи и щиты и стали воевать между собой. Что же двигало ими? Нарушив запрет Энэки, люди пробудили древнюю тьму, которую неведомая сила поместила в их души. Ярость и жажда битвы одурманили некогда ясные умы бесхвостых рыб. Они выжигали леса, загоняли диких зверей и отстреливали птиц, продвигая свои воинства навстречу леденящему зову стали. И тогда, в разгаре одного из самых страшных сражений, сотрясая землю, из океана вышел великан Энэки. В волосах его сверкали молнии, а движения рук порождали смерчи. Увидав повелителя вод, прозрели люди, но было уже слишком поздно. Не промолвил ни слова Энэки и с мощью, подвластной лишь богу, ударил о земную твердь ногой. И раскололась суша, обнажив огненную пасть. И поднялись волны, достающие гребнями до небес. И пепельный мрак затмил солнце.

В тот злополучный час Энэки мог бы уничтожить всех анталанти, но вмешалась Инанна. Мать скорбела о деяниях людей, но любовь к ним, как и любовь к Уручи, была слишком сильна, чтобы позволить супругу разрушить всё то, что когда-то они вместе создали. Инанна усмирила гнев Энэки, закрыла пламенную бездну, очистила небосвод и перенесла выживших людей на редкие острова, уцелевшие после великого потопа. Она спела бесхвостым рыбам одну из тех песен, что они посвятили богине, когда покинули море. Пение Инанны исцелило сердца анталанти, напомнив человечеству

о том, кто и что они такое на самом деле. Вручив людям дар новой жизни, богиня растратила последние силы и ушла далеко на юг, где, погрузившись в объятия океана, уснула, окаменев и превратившись в большую сушу, которая сегодня зовётся Антарктида.

Закончив историю, Каори тяжело выдохнула, в очередной раз подшутив над тем, что она такая же старая, как та ива, под сенью которой мы просидели весь вечер и всю ночь. Уже светало. Молочная дымка тумана таяла в утренней прохладе, с берега доносились сонливые крики чаек. Сражаясь с дремой, я недовольно нахмурил брови и, раздувая ноздри, заявил:

– Мати, Инанна хорошая, а Энэки злой, я его не люблю и никогда не буду. Он забрал моих маму и папу.

Немного помолчав, старушка ответила робко и задумчиво:

– Уэн, я не знаю, почему великий Отец поступил так с твоими родителями, но я знаю, что он любит нас, тебя и меня, всех Нао'нар⁷ и жителей островов, и господ с большой суши. Энэки посылает нам дожди, по его воле из земли бьют родники, а с гор змейками стекают реки. Он закрывает палящее солнце облаками в знойные дни и гонит стаи рыб к нашим берегам. Да, его трудно понять, малыш, но без повелителя вод Уручи погибла бы, а вместе с нею и мы.

⁷ Племена Второго мира часто называют себя так же, как и собственные поселения (для сравнения: Нао – деревня, нао – племя)

– Мати, а как ты думаешь, мама и папа могли превратиться в дельфинов?

Голос Каори стал ещё тише. С глубокой тоской она посмотрела вдаль и почти прошептала:

– Да, мой милый, конечно, могли. Говорят, что хоть мы и утратили благословение предков, и век наш стал совсем уж коротким, самые чистые человеческие души, уходя в воды теней, примыкают к стаям аанти, как было это ещё до времён первых песен. А я помню твоих родных, Уэн, они были чудесными людьми и любили тебя больше всего на свете.

Затем я уснул, а, очнувшись, когда огненный диск уже высоко взошёл над горизонтом, обнаружил, что лежу в своей комнате, заботливо укрытый шерстяным одеялом из сумки Каори.

Эта история – одно из моих самых ярких детских воспоминаний, о котором мне важно рассказать вам, чтобы объяснить, как же разительно отличалась островная жизнь в Нао от грядущей жизни среди людей Первого мира⁸.

Сказки Каори наполнили мою вселенную особым смыслом и одухотворённостью, которую осознать в полной мере, конечно, я смог лишь значительно позже.

Я заслушивался её песнями, легендами, притчами, кото-

⁸ Первый мир – социальный класс людей, избравших техногенный путь развития и образ жизни

рыми она чаще всего делилась со мной и нашими соплеменниками в зимнюю пору, сидя у домашнего очага, или ранней осенью, когда на Ситтар⁹ побережье острова озарялось огнями священных костров. Было что-то волшебное даже в том, как она сплетала слова и образы, оживляя призраков прошлого, знакомя их с людьми в настоящем и протягивая нить повествования далеко за границы зримого будущего.

Через таких проводников культуры и знаний сохранялась преемственность поколений. Недаром сказители пользуются особым почтением у Нао'нар, а Каори была поистине великим сказителем. Благодаря её искусству и любви, я рос в мире, где небеса говорили с землёй, где боги и духи являлись смертным во снах, а вулкан Агда был истинным хозяином острова, мудрым и терпеливым. И эта чарующая одушевлённость природы увлекала меня в ольховые рощи и дубовые леса, где я танцевал среди теней, слушая тишину и читая знаки. Иногда казалось, что огненное сердце Агды отвечало моим песням, отзываясь пульсирующим жаром, игриво кусающим босые ступни того синеглазого наивного мальчишки, каким я был когда-то.

Каори была мне матерью и духовным проводником, но не меньшую роль в моём становлении и взрослении сыграл сухой на эмоции и немногословный старик Сэдэ. Теперь-то я понимаю, что Сэдэ любил и принимал меня так же,

⁹ Ситтар (с яз. «Эка» – костёр) – так называется праздник сбора урожая/праздник последних костров в племени Нао

как своих детей. Думаю, это титул старейшины племени не позволял ему проявлять «слабость» даже в отношении самых близких людей, поэтому для всех он казался отстранённым, а порой и слегка надменным. Сэдэ постоянно был чем-то занят, и, будучи ребёнком, я обижался на него, не догадываясь о том, что этот поджарый невысокий мужчина, от которого исходила аура твёрдости и неприступности, переживал за меня столь же искренне, что и его супруга Каори.

К одиннадцати годам я заметно вытянулся, но из-за того, что любимым моим занятием по-прежнему были долгие прогулки вглубь острова, тело моё стало похоже на ветвь тростника: такое же тонкое и узловатое. Питался я хорошо, об этом заботилась Каори, а ещё она всегда давала мне в дорогу большой ломоть козьего сыра, немного вяленой рыбы, хлеба и пару щепоток соли. Так что наплечный мешок всегда пополнялся провизией, чему я радовался всем сердцем, ну, или животом, который недовольным своим урчанием частенько отвлекал меня от исследования родной суши. Помню, Каори приговаривала: «Слушай землю, сынок, но и себя слушать не забывай: как проголодаешься, обязательно поешь, а если замёрзнешь, возвращайся домой, не жди заката». И я слушал, а как не последовать совету моей мудрой Каори, тем более, что её кушанья я любил так же сильно, как и свои путешествия.

Однажды я был знатно измотан крутым подъёмом на Агду и, спустившись к горячим источникам, лишённый послед-

них сил, решил отдохнуть. Входить в воду не стал, но расположился у одной из чаш. И как только я прилёг на обогретую спящим вулканом землю, незаметно для самого себя соскользнул в глубокий сон. Мне снилось, что у подножия горы открылся проход – широкая расщелина, поглощающая дневной свет. Я сделал всего несколько шагов ей навстречу, но вдруг понял, что уже спускаюсь куда-то во тьме на ощупь по лестнице с огромными скользкими ступенями. Неожиданно пространство вокруг меня задрожало, и я услышал низкий, утробный звук, чем-то напоминающий пение китов, проплывающих иногда неподалеку от острова. Стало жарко, нестерпимо жарко, меня с ног до головы окатило горячей воздушной струёй. Казалось, что я нахожусь в глотке у исполинского зверя, который меня вот-вот проглотит. И, кто знает, может, это и случилось бы, если б не чья-то цепкая рука, выхватившая моё сознание из мрачного сновидения. Открыв глаза, я увидел над собой взволнованное лицо Сэдэ. Старик сжимал моё плечо и тряс меня с непривычной силой.

– Проснись, Уэн, проснись! Тебе не время пока говорить с Агдой! Проснись же!

Заметив, что я пришёл в себя, Сэдэ помог мне подняться. Отчего-то всё тело резко налилось свинцовой тяжестью, которую мне никак не удавалось сбросить.

– Уэн, умывайся, мы должны идти. Ты нас всех перепугал. Ночь опустилась на море уже давно.

И, правда, медленно погрузив руки в тёплую, пузырящуюся

юся воду и, плеснув её немного себе на лицо, я окончательно вернулся в реальность и понял, что всё вокруг залито лунным светом.

– С-с... Сэдэ, – произносить слова тоже было непросто, – а что со мной случилось?

Старик пожал плечами и взял меня под руку.

– Ты говорил с Пепельным Сердцем, парень. Но об этом позже, сейчас нужно вернуться домой. Каори ждёт.

Сухой и довольно строгий ответ старейшины меня вполне устроил. Держась друг за друга, мы отправились в сторону Нао, не проронив больше ни слова.

Был поздний час, но Каори, конечно же, не спала. Горел очаг, освещая просторную гостиную. Мы потихоньку вошли в дом, я оставил походную сумку у порога и проследовал за Сэдэ к источнику животворного света, который понемногу освобождал меня от неестественного оцепенения. Мати сначала бросилась целовать, обнимать и что-то торопливо приговаривать, но, догадавшись, что я её почти не понимаю и даже не могу толком поднять руки, чтобы ответить на объятия, затихла, усадила меня в кресло и подала чашу с круто заваренным чаем из листьев гинги. Сделав пару глотков, я почувствовал, что моё задеревеневшее тело, наконец, расслабилось, и пусть я не обрёл способность внятно изъясняться, но зато слышать и понимать происходящее вокруг мог достаточно хорошо.

Пряный отвар, который мне дала Каори, обладает чудес-

ным свойством: он заставляет кровь течь по венам быстрее, облегчает дыхание, унимает жар и, как верят островитяне, дарит крепкое здоровье и долголетие. Гинга – священное дерево. Говорят, что оно росло в древних землях ещё до того, как аанти вышли из океана. А меня Каори частенько посылала в заветную рощицу на западном берегу, чтобы я пополнял её припасы целебных листьев. Обычно за снабдьём приходили молодые женщины, у которых хворали дети, или рыбаки, «обласканные» ледяными ветрами и дождями во время долгой зимней рыбалки. Но теперь и мне самому понадобилась помощь гинги.

Каори прервала тишину первая, обратившись к мужу ласково, как она могла называть его только дома, в кругу семьи:

– Сэ, что с мальчиком?

– Он уснул у подножия Агды. Каори, я думаю, что, возможно, Уэн говорил с вулканом.

Мати уставилась на старейшину, широко раскрыв глаза.

– Ты хочешь сказать, что его благословил Энэки?

Сэдэ нервно почесал затылок и сел за стол.

– Скорее всего, так и есть.

– Сэ, но как мы могли не заметить? Дар у детей просыпается на второй или третий год после рождения, а Уэну скоро будет двенадцать.

– Не знаю, дорогая, но я коснулся его мыслей, и мне открылось, что он слышит зов Пепельного Сердца.

Волнение куда-то исчезло с лица Каори, она широко улыб-

нулась и протянула руки супругу.

– Значит, он совсем как ты?

– Думаю да, но в таком случае за ним могут явиться из Ао, – старик печально обнял жену.

– Разве это плохо, Сэ? Ты ведь тоже плавал к большой земле учиться у мудрых людей.

– Верно, но времена были другие. На последнем совете верховных старейшин мне сказали, что небесные лодки прилетали из Ао и забирали одарённых детей с Хаши, Туллу, Нэки и даже Оканны. Послы Антарктиды уверяли племена, что после обучения дети вернутся домой, но вот уже два года прошло, а небесные лодки ни разу не появлялись на горизонте. Вожди разгневаны, и если совет не выяснит, в чём тут дело до конца осени, они пойдут войной на южных господ.

Каори побледнела и крепче прижалась к мужу.

– Как война? Что ты такое говоришь? Почему они не возвращают наших детей?

– Пока не знаю, но выясню. Скоро Ситтар, а значит Глаттис уже движется к нашим берегам. Я потребую ответов у правителей плавучего города.

Последние поленья в очаге догорели, и густой сумрак хлынул в дом волной затаившейся угрозы. Мне вдруг стало очень холодно, в глазах помутнело, и показалось, что ворота Агды вот-вот затянут меня в подземную пропасть. Но Каори зажгла свечи, и тьма отступила, расплывшись по стенам танцующими чёрными пятнами. Они с Сэдэ помогли мне до-

браться до кровати, едва коснувшись которой, я провалился в тяжёлый горячечный сон. Дальше ничего не помню. Мати сказала, что два дня я провел в бреду, меня бил озноб, и покормить беднягу ей совсем не удалось. Но когда эта странная болезнь исчезла, так же неожиданно, как и появилась, ко мне вернулся аппетит, и в целом ничто не беспокоило, кроме слабости, охватившей всё тело. Каори заботливо поила меня куриной похлебкой и отваром гинги.

Временная беспомощность почему-то напомнила о годах, когда я ещё малышом донимал своих нянек Сивву и Кальву тем, что неустанно стремился сбежать от них в сад, разбитый за домом. Когда я подрос, Каори перестала ходить на работы в поля, и потребность в молодых «надсмотрщицах» отпала. И потом, очень скоро Сивва вышла замуж и родила ребенка, а Кальва решила уплыть на остров Туллу, где её знаниям травницы и повитухи были очень рады. Вспомнив о былых своих шалостях, я попытался «сбежать» с пропахшей потом и болезнью кровати, но Каори, предвидев моё намерение, как это получалось у неё и шестью годами ранее, уговорила меня не подниматься ещё некоторое время, чтобы как следует восстановить силы.

Снаружи хлестал проливной дождь, подгоняемый резкими порывами ветра. Утро, охваченное серыми тонами и редкими вспышками молний, только нарождалось, когда Сэдэ вдруг вошёл в мою комнату. Я не спал уже час или около того, стараясь успокоить тревожные мысли, роившиеся в голо-

ве, словно дикие осы. Телом я был здоров, но в душе моей поднимался шторм неопределённости, куда более яростный, чем гнев стихии, ревевшей за окном. Старейшина подал мне кружку свежего молока и аккуратно присел у моих ног.

– Выпей, это придаст тебе сил, – заботливо прошептал Сэдэ, видимо, стараясь не разбудить мирно спавшую в соседней комнате Каори.

Я с удовольствием принялся за содержимое изящно вырезанного деревянного сосуда, незамысловатый орнамент которого отражал историю племени Нао. Подобных вещей, иногда носивших сакральное значение, у главы поселения было в избытке. Сколько себя помню, всегда любил рассматривать чашки, ложки и вазы, которые в знак благодарности за мудрое правление местные жители приносили в дар Сэдэ. Покончив с угощением, я немного помолчал, но, не выдержав долгой паузы, спросил:

– Что такое Пепельное Сердце?

– Это сердце Агды. – Ответ старика прозвучал стремительно и коротко. – Думаю, куда больше тебя интересует, как ты смог услышать зов вулкана, верно, парень?

Казалось, чёрные глаза Сэдэ видят меня насквозь. Смущённый такой пронизательностью старейшины, я молча кивнул. На мгновение бесновавшийся ветер затих, но затем вспоротое грозой небо обрушилось громом и ливнями на людские дома с новой силой.

– Знаешь, Уэн, можно было бы рассказать тебе обо всём

языком мудрецов Ао, с которыми я прожил полтора года в мои юные годы, отправившись к ним сразу после обряда посвящения. Однако тебя воспитала Каори, моя возлюбленная жена, и потому я буду говорить с тобой словами величайшей сказительницы архипелага.

Сэдэ бросил на меня испытующий взгляд, улыбнулся и спокойно продолжил полушёпотом:

– Наш мир обладает живой душой, и зовём мы её Уручи. Огненное сердце Уручи спрятано очень глубоко, глубже морского дна, дальше сумеречных вод, там, где заканчивается власть Энэки и начинается царство Инанны. Помнишь ли ты последнее деяние богини перед тем, как она покинула спасённых анталанти?

– Конечно, помню! – выпалил я, едва дослушав вопрос старейшины. – Она спела людям их священные песни, отдавшие даром исцеления.

– Да-да-да, – задумчиво протянул Сэдэ. – После великая Мать подарила свой голос Уручи, но об этом знают немногие люди, и теперь ты один из них, парень. Жители Антарктиды не верят в наши легенды и не следуют нашим традициям, а потому им невдомёк, что такое голос богини и куда он исчез. Но кто писал сказки, Уэн? Чья мудрость струится благословением Энэки через послания предков?

Заворожённый рассказом Сэдэ и обезоруженный его открытостью, какую прежде он не проявлял в отношении меня, я не нашёл, что ответить старику, испытав стыд и опа-

саясь, что своим молчанием разочарую старейшину. А сам Сэдэ, похоже, предвидел всё наперёд. Он немного подвинулся к изголовью и накрыл сухой ладонью, испещрённой лабиринтами морщин, мои похолодевшие от волнения руки, сплётшиеся пальцами в замок.

– Писали их одарённые... Те, кому часть своей силы подарил владыка всех вод. Одни умели слушать и слышать сокрытое в безмолвии. Другие – видеть то, что даже взору сокола недоступно. Третьим дано было чувствовать пульсацию жизни в природе и в человеке. Редчайшие способности и непомерная ответственность, Уэн.

Старик встал и неслышно подошёл к усеянному струйка-ми дождя окну.

– У каждой горы есть корни, как у твоих зубов или деревьев в роще ольховин, – на лице Сэдэ вновь промелькнула улыбка, – но корни холмов и вулканов безмерно глубоки и стары, словно кости самой Земли. Эти корни вгрызаются во мрак, словно черви в спелый плод. Во владениях Инан-ны они соединяются с душой мира, и потому, обладая даром *слушающих*, такие люди, как мы с тобой, способны ощущать зов Уручи.

– Душа мира, – медленно повторил я. – Значит, это правда, и наш остров действительно разговаривал со мной, подавал знаки.

– Будь аккуратней в своих суждениях, Уэн. Правда у каж-

дого своя. Мы смотрим на мир глазами островитян. Ао'нар¹⁰ считают нас дикарями, объясняя мир словами науки. Но истина только одна, и она всегда далека и почти недостижима, словно мечта, словно призрак, скользящий в утреннем тумане. А потому не закрывай свой разум перед неизведанным и тем, что поначалу может напугать, мой мальчик. Смотри глубже, слушай внимательней... и с этого дня учись всё хранить в тайне.

– Хорошо. Ты обучишь меня?

– Нет, твой дар принадлежит тебе одному. Каори верит, что наши способности – благословение повелителя вод, божественное благословение, понимаешь? Куда мне до богов? Энэки не лишён голоса, в отличие от Инанны. Спрашивай, и найдёшь ответы.

– Но как я пойму, что всё делаю правильно? – Мой голос слегка задрожал от волнения, а голос Сэдэ, напротив, звучал уверенно и ровно.

– Ты не сможешь делать *всё* правильно, Уэн. Ошибайся, учись отличать действительность от иллюзий. Ошибки закалят твой ум, научат доверять интуиции. Как, по-твоему, стаи огнехвосток понимают, что зима скоро сменится весной? Они возвращаются в наши леса незадолго до прихода тепла, и так каждый год. А дельфины... кто научил их загонять рыбу на отмель? Кто указывает им путь в бескрайних водах? Никто. Их дар заключён в том, кем и чем они явля-

¹⁰ Нар (с яз. «Эка») – народ, люди, т. е. Ао'нар – народ Ао

ются. Все дети Инанны ведомы лишь тем знанием, что живёт в них, жило в их предках и никогда не утратит силы. А человек может больше, значительно больше. Особенно ты и тебе подобные. Поэтому вы так важны людям Первого мира, мы важны – старик тяжело вздохнул.

– Одарённых забирают в Ао?

– Да, обычно нас обучают быть посредниками между двумя мирами, изучают потенциал наших возможностей, а затем возвращают домой, но теперь всё иначе.

За стеной послышались тихие шаги Каори. Взгляд Сэдэ переменился, он поспешил к двери, на прощание ласково взглянув на меня.

– Отдыхай, парень, скоро наступит сухая осень, а с ней начнётся праздник последних костров. Думаю, Каори понадобится твоя помощь, она всё реже приглашает людей к очагу, и долгие рассказы даются ей непросто. А ты молод, вынослив и помнишь каждую её историю.

Сэдэ ушёл, оставив вопросов не меньше, чем ответов, но отчего-то мне стало спокойнее. Близился Ситтар – светлое, волшебное время песен, танцев и легенд. Мысли об этом прогнали страхи, слова старейшины о возможной войне забылись, видимо, потому что я не совсем понимал, что это такое. Появление Глаттиса тоже всегда было радостным событием, поэтому сердце моё наполнилось трепетным ожиданием чуда, вытеснившим тревогу. А за окошком, как будто вторя моим чувствам, перестал лить дождь, и комната оза-

рилась на миг золотисто-алым сиянием рассвета.

С приходом сухой осени небо налилось прохладной синевой, словно бы впитавшей в себя жизненные соки пожухшей травы. Клёны сыпали багряной листвой, долина ручьёв, наконец, затихла, спрятав свои воды в медленно остывавшей земле. Игривые рсулуны¹¹ сбивались в стаи над береговой линией, готовясь к долгому перелёту на большую сушу. Морская волна окрасилась песчаным цветом, и с юга подули последние тёплые ветры. Одинокий пик Агды, прихваченный серебристой дымкой, словно таял в густом воздухе, сливаясь с молочно-серыми облаками. Ночь набирала силу так же стремительно, как терял её день. Поздний урожай был собран, а люди Нао суетливо перемещались по деревне в заботах о скором празднике священных огней.

Наконец наступил первый день Ситтар. Хотя основное действие происходит в ночное время, хлопоты по заключительным приготовлениям не заставляли себя ждать. В этот раз я сам собрал походную сумку, приготовил завтрак и вымыл полы, потому что Каори и Сэдэ ещё не проснулись, да и я считал себя уже достаточно взрослым, чтобы самостоятельно вести некоторые домашние дела. Мати нуждалась в долгом сне, ведь обряды первой церемониальной ночи по обычаю отводит старшая сказительница деревни. Выйдя за порог, сначала я зашёл в Дом луны, оставив у алтаря под-

¹¹ Рсулуна (с яз. «Эка») рсу – огонь, искра; луна – хвост; рсулуна/огнехвостка – священная птица праздника Ситтар

ношение духам предков, а затем направился на Песенную площадь, где на моё удивление никого не оказалось, хотя на птицеферме уже всюю горланили петухи. Усевшись у одной из белых колонн, окаймлявших внутреннее пространство площади, с болезненной грустью я устался на полянку для игр.

После учёбы и других забот ребятня всегда собиралась в том месте, чтобы поиграть в Ясаш или Граху. Я же, оставаясь поодаль, ревниво наблюдал за тем, как они бегают, дурчатся, веселятся – в общем, делают всё то, что положено детям. Меня никогда не звали принять участие в подобного рода развлечениях, с одной стороны, потому что я был приёмным сыном старейшины, а с другой, потому что все вокруг знали о моей «дурной крови». Так на островах говорят про тех, кто рождается в смешанных семьях, где один из родителей – выходец из Первого мира.

Курчавые волосы – ещё полбеды, а вот синие глаза – уже настоящая катастрофа. Нао’нар верят, что в синеве таких глаз обитает частица мистической воли Энэки. Если долго не отводить взгляда от человека, избранного повелителем вод, твоя душа может навсегда сгинуть в морской пучине. Всего лишь суеверие, и многие взрослые прекрасно это понимали, но даже они неохотно вели со мной беседу, что уж говорить про моих сверстников. Ребята постарше просто избегали встреч со мной, а местная детвора вечно подшучивала и поддразнивала: «Дурная кровь! Сын Энэки идёт! В глаза

не смотри, а то проклянут!» После и они бросались врассыпную, а я снова оставался один. Ну, хотя бы камнями не закидывали, уже большое им за то спасибо.

Нервно фыркнув, словно одичавший пес, я постарался отогнать хмурые мысли. Нет, в такой торжественный день нельзя было грустить! Широко расправив плечи и наполнив лёгкие утренним воздухом, я потихоньку запел гимн солнцу, которому меня обучила когда-то Каори. Подобно нарастающему дневному свету, слова мои становились всё громче и громче, пока эхом не разнеслись по всей деревне. И вот уже кто-то сонливо начал подпевать мне из окошка одного из домов, что у гончарной мастерской, а дальше к нам присоединились голоса из хижин за рыночной площадью. Большая честь – пробуждать спящих, возвращая их души в неподвижные тела, освобождая соплеменников от чар «временного забвения», которое иначе зовётся «апак’аний»¹². Только в такие минуты я ощущал связь с людьми Нао, наше пение сливалось в единый поток, мы вместе произносили священные слова, повинуюсь общему мотиву.

Когда у столпов показался чей-то лениво покачивающийся силуэт, я сомкнул уста и с чувством выполненного долга закинул на плечо сумку. Очень скоро жители должны были собраться на Песенной площади, чтобы восславить начало нового дня. Не желая быть замеченным, я быстро мино-

¹² Апак’аний (с яз. «Эка») апак – смерть, недостаток, исчезновение; аний – временный, изменчивый, непостоянный

вал Пруд радужной рыбы, затем Кольцо совета и растворился в тени яблоневых садов. Путь к хижине целителей неблизкий, а успеть нужно было до полудня, чтобы встретиться с травницей Кхетой, заготовившей для жертвенных подношений пламени пряные травы и коренья.

Кхета выбрала Путь отшельницы, покинув Нао после смерти мужа. Дети, конечно, старались навещать одинокую старушку, даже приводили к ней внуков, но душа её уже очень давно принадлежала лесу и тому ветхому домику на светлой опушке, где Кхета выращивала лекарственные растения, необходимые для припарок, мазей и всяческих настоек.

Миновав кукурузные поля, когда я уже почти добрался до пастбищ, на меня вдруг нахлынуло знакомое ощущение, с которым в прошлый раз я столкнулся у южного подножия вулкана. Было немного страшно, мне отнюдь не хотелось упасть без сознания и провалиться затем в кровати двое суток в ужасном оцепенении. Тогда, правда, я спал у горячих источников, теперь же мой дух был свободен от апак'аний. На что это похоже? Пожалуй, свои переживания сравнить я могу с медленно подкрадывающимся ударом волны. Да, если представить, что ты стоишь на берегу, повернувшись к морю спиной, и вдруг чувствуешь, что из-под твоих ног уходит вода, ты увязаешь в песке по колени, а позади уже ревет огромная волна, поднявшая камни, водоросли, осколки рифа, и готовая обрушить всё это «богатство» на твою несчаст-

ную голову, вот тогда можно приблизительно понять моё состояние, отзывавшееся странной пульсацией в теле.

Было непросто сохранять спокойствие, но когда то наваждение исчезло, я ощутил неопишемую лёгкость в голове, руках и ногах. Мне казалось, что ветер вот-вот оторвёт меня от земли и унесёт высоко к облакам или даже выше. Глаза мои были закрыты, но отчего-то мне всё виделось со стороны, нет – откуда-то сверху. Уста мои вытянулись и затвердели, а в горле зародилось желание издать ликующую волну пронзительного звука. А затем всё пропало, исчезло, стихло, и в этой неестественной тишине я сумел различить птичий клёкот. Облегчённо выдохнув, я поднял глаза к небу, где в тёплых воздушных потоках парил белогрудый коршун.

Сэдэ сказал бы, что меня настиг дар Энэки, а значит, я должен был обратиться к божеству через мысленную связь с посланцем небес, задав какой-нибудь вопрос. Но я этого не сделал, мне только хотелось продолжить своё путешествие и поспеть к жилищу Кхеты вовремя. Отдышавшись, я поблагодарил коршуна и поспешил к уже видневшейся за пастбищем окраине леса.

Вынырнув из лесной сени, я оказался в том самом месте, куда меня вёл долг названного сына Каори и Сэдэ. Кхеты не было дома. Видимо, она ушла в рощу дубовой ветви, чтобы поговорить с Уручи. Так она объясняла мне, что хочет побыть вдалеке от всего мирского, предавшись воспоминани-

ям о былой жизни и позволив больным ногам хоть немного расходиться. Иногда я, когда задерживался в хижине целителей допоздна, видел Кхету, возвращавшуюся после таких походов с корзинкой грибов, желудей или мешочком речной глины. В её длинных дымчато-серых волосах всегда путались листочки, пушинки скрипун-травы и репейные колючки.

Войдя в пустое жилище, я произнёс про себя благословение дому и принялся за поиски заготовок. Отыскать травы было несложно: их густой и сладковатый аромат привёл меня к плетённому сундуку в маленькой тёмной комнатушке в южном крыле хижины. Кхета тщательно высушила и бережно завернула в ткань связки аниса, многоколосника, мяты, иссопа, душицы и, конечно же, в отдельном мешке ждали своего часа измельчённые листья гинги. С большой благодарностью к труду целительницы я оставил на кухонном столе свежую голову сыра, коробочку пшённой муки и два заранее отваренных початка кукурузы.

В Нао я успел вернуться засветло. Вечер, не торопясь, разливался приглушёнными тенями по тропинкам, заборам и садовым деревьям. Посчитав, что времени ещё предостаточно, я остановился у пруда, чтобы полюбоваться танцем радужных карпов. С малых лет я очень любил приходить сюда и подолгу наблюдать за сверкающими спинами рыб, которые представлялись мне живыми звёздами, покинувшими простор надземного океана и зачем-то поселившимися в ча-

ше тёмной воды, что находится между Кольцом совета и Песенной площадью.

Однажды Каори рассказала мне историю об охотнике, некогда жившем на далёком острове Оканна. Сурадха, так его звали, был сильным и ловким. Его стрелы летели далеко, разрезая ветер, и всегда находили цель. Став мужчиной, он взял себе в жёны прекрасную вышивальщицу Ансу. Как того требовал обычай, после танцев Арунни¹³, которые устраиваются в честь весеннего равноденствия, Ансу и Сурадха поселились в одной из летних хижин в южной части острова. Вскоре Ансу понесла дитя, и ей был сон, что дух радуги сбежал от дождевых струй и спрятался в её животе. Тогда она попросила мужа принести для неё из деревни самые яркие нити, какие только он сумеет выторговать у тамошних мастериц. Пока Сурадха выполнял поручение возлюбленной, в их жилище явилась провидица Инуш. И было предсказано Ансу, что Энэки позавидует красоте её ребёнка, если тот родится человеком с душой радуги, и заберёт младенца в Царство вечной тьмы, откуда смертным нет пути назад. Долго плакала Ансу, а когда вернулся Сурадха, она рассказала о беде, пришедшей в их дом. Тогда молодой охотник взял лук, колчан, наполненный стрелами, и направил стопы в священный лес. Он сел у корней огромного ясеня и воззвал к Инанне, умоляя спасти его жену и ещё нерождённое чадо от гнева повелителя вод. Сурадха клялся, что закопает свой лук,

¹³ Арунни (с яз. «Эка») – солнце

и рука его впредь не коснётся тетивы. Инанна не проронила ни слова, но в ту ночь Ансу вновь был сон, в котором всё, что она вышивала, сходило с полотна живым и одухотворённым, словно по волшебству. Сурадха, как и пообещал, оставил охоту, а его жена начала вышивать искуснейшую картину, на которой постепенно появлялись невиданные узоры, водяные лилии, озёрная гладь и стайка разноцветных рыб. С последним стежком картина вдруг исчезла, а вместе с ней Ансу и Сурадха. Жители Оканны так и не поняли, что стало с охотником и вышивальщицей, но шептались тайком, что на месте их хижины будто бы появилось глубокое озеро, в котором плавают божественной красоты карпы, каких на всём белом свете не сыщешь. И было их три: два больших, а один совсем крохотный.

Каори говаривала, что эту легенду и несколько рыбин привезли на наш остров, когда они с Сэдэ были примерно моего возраста. Мне же куда больше нравилась собственная, выдуманная история о звёздах, сошедших с неба.

Ход моих размышлений и воспоминаний оборвал взволнованный голос Сиввы. Легконогая женщина неслышно подошла со спины. Печальные глаза её смотрели на меня с какой-то несвойственной Сивве грустью.

– Уэн, что же ты... Я тебя весь день ищу. Каори неважно себя чувствует, но она никому не сообщила. Говорит, что не хочет причинять кому-то неудобства в ночь Ситтар. Да и я бы ничего не узнала, если бы не решила поведать её

по дороге в Хижину паруса.

Кровь прилила к вискам, сердце заколотилось как бешеное, меня охватило незнакомое прежде чувство всепоглощающей тревоги. Не до конца понимая, что происходит, не веря своим ушам, я всё же нашел силы, чтобы поблагодарить Сивву, и молча проследовал за ней к Дому старейшины.

Ворвавшись в дверь, как штормовой ветер, я вбежал по лестнице и, замерев на мгновение, постарался унять дрожь, успокоиться. Тихонько постучав, я вошёл в комнату, освещённую робким пламенем уже догоравшей свечи. Старушка приподнялась в кровати, отправив Сивву к родным, чтобы та успела покормить детей и облачиться в праздничные одеяния. Я осторожно обнял Каори, которая показалась мне очень хрупкой и беззащитной, однако сама сказительница держалась с достоинством и всем видом старалась показать, что она в порядке.

– Твои руки тебя выдают, мой мальчик: они холодны и дрожат, словно у рыбака, вытягивающего сети из ледяной воды. Не бойся, дорогой, мы все однажды отправимся в сумеречную страну предков, но разве могу я оставить тебя, Сэ и племя в такую дивную ночь, правда?

В глазах Каори отражалось тусклое пламя, дышала она теперь иначе, тяжело, а голос её, всё ещё звучный и нежный, схватила сипящая хрипотца. Еле сдерживая ком в горле, я спросил:

– Что произошло, мати? Что мне сделать?

Она негромко рассмеялась и, прокашлявшись, заявила, как тогда в долине ручьев, у плакучей ивы:

– Просто я очень старая, Уэн. Кости мои тяжелеют день ото дня, тянут к земле, просят тепла даже летом, а взамен бессовестно ноют о том, когда быть непогоде. Да, вот так, со мною приключилась старость, и, поверь, ничего тут не поделаешь. Лучше скажи, ты принёс всё необходимое?

Её добрый смех развеял тревогу, и я поверил, что всё опять хорошо, и будто ничто никогда не сможет нас разлучить.

– Да, конечно, травы в сумке. Кхета в этот раз превзошла саму себя!

– Вот и славно. Мне понадобится твоя помощь сегодня, Уэн. Я слышала, как ты утром исполнял гимн Арунни. Знаешь, под такое дивное пение ненароком могла бы проснуться даже Инанна. Как думаешь, справишься с Песнью огнехвостой стаи?

Наверное, в тот момент я выглядел нелепо, потому что челюсть моя от удивления отвисла, а глаза округлились, как у испуганной овечки.

– Выступать перед всем племенем? Но, Каори, они ведь ни за что не станут меня слушать! Я для них никто, дурная кровь, ходячее проклятье.

– Что ты такое говоришь, ручеёк мой синеглазый?!

– Вот именно! – возразил я, – глаза Энэки, не смотри в них, а то сгинет твоя душа, не воротишь. Так они повто-

ряют вслух, каждый раз повстречавшись со мной, и думают то же, я знаю, я слышал их мысли, прямо как Сэдэ.

Старушка горько вздохнула, бережно взяла меня за руку, не отводя взгляда, и продолжила:

– Сейчас я собираюсь сделать то, за что в древности меня запросто могли бы отправить в долгое плавание без еды, воды, да заранее наряженной в поминальный венок. Я назову тебе имена твоих настоящих родителей и плевать я хотела на то, что могут подумать на сей счёт остальные. Мне иногда кажется, что люди в Нао вообще думать разучились. Ты уже достаточно взрослый, мой мальчик, и это будет наш с тобой секрет.

Теперь моя челюсть, скорее всего, отвисла ещё больше, потому что каждый житель нашего острова знает и чтит незыблемое правило забытых имён, которое запрещает упоминать об ушедших предках за пределами сакральных мест и вне специально проводимых для того обрядов.

– Твоего отца звали Иос, дорогой мой. Статный и выносливый мужчина, на своей лодке он ходил к самым далёким островам, какие известны Нао'нар. Помню, вместе с Сэдэ они однажды добрались до берегов Антарктиды! А имя твоей матери было Маэ, и не нашлось бы женщины более чуткой, заботливой и красивой, чем она. Иос родился и вырос здесь. Маэ он повстречал на острове Нэкки, куда ему поручили доставить сундучок отборного жемчуга для поддержания дружественных отношений с западными вождя-

ми. Там же, получив благословение старейшин, влюблённые и обручились. Некоторое время спустя, твои родители решили встать на Путь паруса, и тогда я вновь увидела знакомую лодку на горизонте. Представляешь, а ведь они оба были темноволосыми и черноокими. Маэ, правда, рассказывала, что дед твой родом из Ао, так что и кудри, и глаза тебе достались от него, а не от повелителя вод. Однако отрицать то, что Энэки наделил тебя особым даром, не стоит. Непростой, но чудесный дар – слушать своё сердце и слышать намерения чужих сердец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.